

07.00.00 Historical sciences and archaeology

07.00.00 Исторические науки и археология

UDC 94

Germans: 250 Years in Russia *¹ Nikolay F. Bugay² Valentina G. Chebotareva¹ Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences, Russia

19 Dmitrya Ulyanova Str., Moscow 117036

Doctor of History, Professor, Chief Researcher

² Public Academy of Sciences of Russian Germans, Russia

Doctor of History, Professor

Abstract. The article analyses evolutionary way of Germans in Russia from late XVII century to early 1990s, describes their first efforts to adapt in Russia, their integration into Russian society. Due to labour, endeavour and orderliness, Germans transformed the region, where they served Russia. They became the real patriots, defending Russia both in the war of 1812 and in the wars that followed. They participated in revolutionary fights and in Civil War. They were volunteers for the struggle against fascism. Instinct with patriotism to their native land, they restored it devastated cities after war. Their selfless labour is exemplary. They have been with Russia for two and a half centuries.

Keywords: Germans; Russia; Russian Empire; USSR; 250 years.

*Именной указ императрицы Екатерины II Правительствующему Сенату
о разрешении иностранцам селиться на пустых землях в России*

Указ нашему Сенату

1762 г. Октября 14

Понеже в России много пустых непоселенных мест, а многие иностранные Нам бьют челом, дабы Мы им позволили поселиться на таких пустых местах, того ради Мы единожды навсегда сим Нашим указом Нашему Сенату дозволяем в силе законов и сообщаясь с коллегиею Иностранных дел, ибо оное есть политическое дело, принимать в Россию впредь без даянаго Нам доклада всех желающих поселиться ... Мы надеемся со временем чрез то умножить славу Божию и ево православную греческую веру, и благополучие Нашей империи.

Подлинной писан и подписан собственною Ея Императорского величества рукою тако: Екатерина [1]

Получен октября 14 дня 1762 года.

Слушан 15 октября 1762 года [2].

На протяжении столетий на южных и юго-восточных рубежах России оставались не заселенными обширные пространства с плодородными землями. По берегам мелководных рек кочевали калмыцкие, башкирские и киргиз-кайсацкие племена. Редкие, рассыпанные по периметру природных границ, славянские селения безуспешно оборонялись от разбойничьих вторжений воинственных соседей. К моменту воцарения на престоле Екатерины II у России уже был исторический опыт упорной и продолжительной борьбы со степью. Начиная с XVI в., проводилась политика военной и земледельческой колонизации беспокойных территорий на Юге, Востоке и Юго-Востоке империи посредством переселения великороссов и малороссов [3]. Но к началу XVIII в. внутренний источник колонизации иссяк:

---

* Статья подготовлена при поддержке – Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» (координатор: академик А.П. Деревянко).

основная масса земледельцев, оказавшись в тисках крепостной зависимости, утратила свободу передвижения по стране; другое крестьянское сословие – государственные (иначе – экономические) крестьяне по своему положению в социальной иерархии не могли быть объектом массового переселения на безлюдные окраины. Екатерина II, определяя ориентиры внутренней политики, обратилась к проблеме освоения земель, «праздно остающихся для произведения общенародной пользы». Она понимала, что успех, может быть достигнут, если колонизация будет осуществляться усилиями крестьян, свободных от феодальной зависимости. В одной из заметок императрица наметила гипотетическую программу действий, в которой высказала вполне демократическую идею: «...чем больше над крестьянином притеснителей, тем хуже для него и для земледелия... Великий двигатель земледелия – свобода и собственность. Когда каждый крестьянин будет уверен, что то, что принадлежит ему, не принадлежит другому, он будет улучшать это. Государственные налоги ему не тяжелы, в виду того, что они умеренны, и если государство вовсе не нуждается в увеличении доходов, земледельцы могут располагаться, как им удобно, лишь бы имели они свободу и собственность» [4]. Советники обратили внимание императрицы на исторический парадокс: в то время, как русские крестьяне осваивали сибирские просторы, запахивали «государеву пашню», земли на территории Саратовской, Ставропольской, Астраханской, Оренбургской губерний, все Заволжье оставались безлюдной глухоманью, достоянием кочевников. Екатерина принимает предложение графа П.И. Панина: заселить пустующие угодья за счет приглашения иностранцев, обеспечив их земельными наделами на правах собственников и свободных предпринимателей [5].

У Петра Панина были все основания выступить с такой новацией. В 1760-х гг. европейские страны представляли собой неиссякаемый источник трудовых ресурсов. Семилетняя война вихрем прошла по Австрии, Пруссии, Саксонии, Швеции [6], стерла с лица земли признаки их социального благополучия. По дорогам бродили тысячи разорившихся ремесленников; крестьян, изгнанных феодалами с наследственных земель; солдат, выброшенных на обочину жизни в результате поражения европейских армий. В Правительствующий Сенат России обращались с «челобитными» предприимчивые иностранцы с предложением набрать в зарубежных странах людей для переселения в Россию.

На совещаниях, проведенных Екатериной с группой приближенных лиц – генерал-прокурором Сената А.И. Глебовым, графом Г.Г. Орловым и другими советниками была разработана стратегия безопасности страны от враждебных набегов приграничных территорий и введения в хозяйственный оборот «пустопорожних земель», столетиями оставшихся без обработки.

14 октября 1762 г. Екатерина подписала Указ Правительствующему Сенату, а 4 декабря 1762 г. – Манифест о позволении иностранцам селиться в России. Переведенный на латинский, немецкий, французский, шведский, голландский языки, Манифест был распространен в европейских странах через газеты, а также посредством объявлений в церковных приходах.

Отклик на приглашение иностранцев в Россию, против ожидания в Петербург не поступило: в Манифесте не разъяснялось, на каких условиях предлагается переселение иностранцев в далекую, загадочную для многих Россию. Екатерина запросила мнение о Манифесте сенаторов. Одним из первых откликнулся граф А.Б. Бутурлин, указавший на германские княжества, как на источник трудовых ресурсов для Российской империи. После Семилетней войны, писал граф, «на немецкой земле многие ремесленные люди разорились, отстав своих домов, а наипаче по мелким городам, где войско проходило, без настоящего пристанища находятся. А другие и на местах так обедняли, что принуждены пропитания, прибежища и покровительства искать в ближайших городех...» [7].

22 июля 1763 г. Екатерина подписывает Манифест – «О дозволении всем иностранцам, въезжающим в Россию, селиться в разных губерниях по их выбору, их правах и льготах». Новое приглашение публикуется на европейских языках, рекламируется дипломатическими представительствами России в Австрии, Швеции, Голландии и других странах.

Манифест предлагал иммигрантам льготные условия: переезд за счет русского правительства, свободный выбор места поселения; свободное отправление веры,

освобождение на 30 лет от налогов и постоев, навечно – от обязательной военной и государственной службы. Гарантировалась беспроцентная ссуда на обустройство хозяйством; разрешалось строить промышленные предприятия, причем их владельцы получали исключительное право – приобретать работников из среды местного населения – «позволяем покупать надлежащее число к тем мануфактурам, фабрикам и заводам крепостных людей и крестьян» [8].

В Манифесте Екатерина четко определила гражданский статус переселенцев: иностранец, заявивший о «решительном своем намерении» поселиться в империи для хлебопашества, или записаться в купечество, обязан «учинить по вере своей и обрядам обыкновенную о подданстве Нам в верности присягу». Много лет спустя в российском законодательстве утвердилось понятие гражданства: в «Уставе о колониях иностранцев в Империи» (1857 г.) закрепляется норма: «Колонистам и их потомству предоставляются права гражданства не только в их колониях, но и по всей Империи» [9]. Не только самим переселенцам, но и их потомкам были обещаны эти и другие привилегии.

После обнародования Манифеста от 22 июля 1763 г. императрица перешла к практическим действиям: учредила по совету графа Бутурлина «главную дирекцию» – Канцелярию опекуства иностранных во главе с Григорием Орловым; приняла непосредственное участие в разработке Инструкции Канцелярии опекуства, в которой обстоятельно были расписаны права и обязанности колонистов и ответственность чиновников Канцелярии за реализацию проекта; выделила 200 тыс. руб. для обеспечения переселенческого движения [10].

Между тем, в германских княжествах Манифест Екатерины от 22 июля 1763 г. внезапно вызвал движение к эмиграции в Россию. «Все нуждающиеся, не имевшие ни крова, ни пищи, – писал А. Клаус, – бросились записываться в колонисты, их манили не только льготы, но то, что каждый получал по 8 шиллингов в день на пропитание. Поэтому первые партии переселенцев были неудачны: они ни по нравственным качествам, ни по физическому развитию не оправдали ожиданий и вовсе не соответствовали своему назначению» [11]. Возможность получить в вечное потомственное владение земельный надел, не заплатив ни гульдена, воодушевила тысячи жителей германских земель на эмиграцию в Россию. Нанятые для набора переселенцев комиссионеры отправляют из Гессена, Вюртемберга, Мекленбурга, Пфальца, Померании толпы отчаявшихся искателей счастья.

В 1764–1768 гг. в Поволжье прибыли 27 тыс. человек. Расселением мигрантов занималась администрация Саратовского воеводы вместе с представителем Канцелярии опекуства иностранных Иоганном Рейсом. Но уже в 1765 г. местная администрация не справлялась с приемом иностранцев, о чем Президент Канцелярии опекуства Г.Г. Орлов доложил императрице. 30 апреля 1766 г. Екатерина подписала Указ об учреждении в Саратове «особой Конторы Канцелярии опекуства иностранных». Возникающие среди немецких поселенцев конфликты Контора обязана была рассматривать совместно с Саратовской Воеводской канцелярией.

Первые иммигранты основали 104 колонии: 59 на левой стороне Волги (позднее – Самарская губерния); 45 – на правой (Саратовская губерния). Канцелярия опекуства развернула строительство жилых домов для переселенцев, привлекая к этому предприимчивых жителей Саратова. Одним из первых подписал контракт с Канцелярией опекуства иностранных крестьянин Пахринской волости Н. Павлов о строительстве 200 двойных дворов [12].

Возведение жилых домов для колонистов, приобретение для них сельскохозяйственной техники, продовольствия, потребовало огромных сумм, выделенных Екатериной 200 тыс. руб. на год оказалось не достаточно. 17 октября 1766 г. императрица подписала уникальный документ – Именной Указ Правительствующему Сенату о выдаче денег по требованию Канцелярии опекуства иностранных и ее комиссаров, из средств местных губернских ведомств. В Указе содержалось повеление чиновникам: «во всех тех местах по требованиям Канцелярии или ее комиссионеров выдавать тотчас, сколько, когда требуется будет, из всяких сборов, какие бы налицо ни случались, а сколько оттуда выдано будет, о том в то же время писать в Канцелярию опекуства иностранных ...» [13]. К Указу был приложен

список 32-х городов, в котором значились: Тула, Ростов, Ярославль, Кострома, Ржев, Новгород, Воронеж и другие местности, где создавались колонии иностранцев.

Новая среда обитания поставила колонистов в трудные условия адаптации: и старых, и малых косили болезни, вызванные природными и климатическими особенностями края; приходилось вести изнурительную борьбу с полевыми вредителями, уничтожавшими урожай на корню. Но всякую надежду на благополучную жизнь в Поволжье убивала враждебность местного населения: в 1772 г. на колонии обрушилась ненависть киргиз-кайсаков. Храбрые джигиты напали на мирные колонии, ограбили и увели в плен мужчин, женщин и детей для продажи на невольничьих рынках Турции и Хивы. В результате всех бедствий уже через несколько лет после водворения из 8 тыс. семейств, водворившихся на Волге, осталось 5,5 тыс.; численность колонистов сократилась с 27 тыс. человек до 23,2 тыс. [14]

В 1785 г., когда минули 10 лет со дня основания первых колоний на Волге, в Государственном Казначействе подсчитали расходы на колонизацию: вызов и водворение иностранцев обошлись казне в 5 199 813 руб.; из них 3 989 616 руб. составляли возвратный долг казне, а 210 197 руб. – указом от 20 апреля 1782 г. отнесены к безвозвратному долгу. «Безвозвратными» суммами были оплачены социальные потребности колонистов: 1 025 403 руб. казна отпустила на строительство домов и церквей; 17, тыс. руб. – на пособие больным; 136,5 тыс. руб. составляли казенный долг переселенцев, скончавшихся на пути к Волге; долг в 30,4 тыс. руб. – оставался на колонистах, уведенных в плен киргиз-кайсаками [15].

Согласно Манифесту 1763 г., по истечении 10 льготных лет колонисты обязаны были возратить в 3 года истраченные на них денежные средства; а после 30-и лет со дня прибытия на Волгу – платить подати и нести земельные повинности наравне с другими подданными. Но отчеты Саратовской конторы опекунов не оставляли надежд на уплату долга – положение иностранцев было тяжелое: земли не хватало, часть наделов представляли собой неудобные земли, вместе с тем начался процесс расслоения колонистской деревни.

Летом 1785 г. к императрице обращается с докладом о положении поволжских колоний Саратовский генерал-губернатор С.П. Потемкин. 4 июля 1785 г. Екатерина подписывает Именной указ «Об устройстве поволжских колонистов». На вопрос генерал-губернатора, как быть с долгами колонистов, Екатерина пишет: средства на них затраченные, должны быть возмещены казне; через Директора экономии установить – «сколько они могут без отягощения своего в год уплачивать в число того долгу». Потемкину предлагалось: провести обследование социально-экономического положения колоний, результат представить на рассмотрение императрицы, которая и примет решение.

Другой запрос Потемкина касался неудобных земель. Екатерина повелела: «Если по осмотру Директора Домоводства окажутся между землями, колонистам отведенными, не удобные для хлебопашества и хозяйства, вместо оных назначить им для переселения другие удобнейшие из казенных порозших [16]; но уже не делать им никакой из казны ссуды...» [17].

Итак, императрица повелела колонистам компенсировать затраченные на них средства «сколько они могут без отягощения своего в год уплачивать в число того долгу». В отчете Министерства Государственных имуществ отмечалось: «и по малой части» не могли вернуть казне затраченные на них средства. Наконец, в 1786 г. Казенная палата постановила: с каждого колониста в возрасте от 15 до 60 лет ежегодно взыскивать по 3 рубля [18].

Указ и Манифест Екатерины II о приглашении иностранцев, правовые нормы, регулировавшие социально-политическое устройство немецких колоний, положили начало интенсивной колонизационной политике под неизменным контролем императоров России. Освоение новых земель немецкими колонистами, начатое при Екатерине II, продолжалось и в годы правления ее потомков: при Павле I, Александре I и других императорах до 1870-х гг. Указы, утвержденные императорами, постановления Комитета Министров, Правительствующего Сената – весь обширный блок документов, регулировавших жизнь немецких и менонитских колоний, со всей очевидностью свидетельствуют о

патерналистском курсе русских царей по отношению к иностранцам, их исключительном внимании к проблемам социально-экономического развития колоний иностранцев [19].

Ко времени воцарения Александра I целинные земли Поволжья были освоены. Миграционный поток направляется правительством в Новороссию, где обширные угодья оставались без обработки. В Причерноморье каждый колонист получал надел в 60 десятин на семейство без оплаты ее стоимости (меннониты – по 65 десятин); ссуду в 300 руб. на строительство дома, обзаведение хозяйством (покупку скота, рабочих инструментов и т.д.). Переселенцы ввозили без оплаты пошлины движимое имущество, пользовались свободой предпринимательской деятельности, строили фабрики, промышленные мастерские; вступали в гильдии и цехи, торговали продукцией своих предприятий по всей империи. При заявленном желании о реэмиграции, колонист обязан был сверх уплаты всего причитающегося с него долга, одновременно внести в казну трехгодичную подать.

В Правительствующем Сенате еще при Екатерине II возникали сомнения относительно целесообразности и экономической эффективности освоения земель за счет трудовых ресурсов Германии и других стран. В Министерстве внутренних дел проанализировали систему управления колониями за прошедшее 30-летие, и в феврале 1804 г. В.П. Кочубей [20] представил Александру I доклад «О правилах для принятия и водворения иностранных колонистов». Вызов колонистов, писал Министр, был и продолжается поныне на основании Манифеста 1763 г. Каких именно людей принимать, точно не было определено, набирали претендентов всякого звания и состояния, и потому с самого начала приняли «много дурных хозяев и большею частию самых бедных, кои мало по сие время принесли Государству пользы. Саратовские и некоторые из Новороссийских колоний доказывают сию истину». В докладе подчеркивалось: среди колонистов много «ненужных ремесленников, дряхлых, слабых, одиноких и даже с застарелыми болезнями, к чему присоединить должно, что большая часть из них крайне бедны».

В.П. Кочубей обратил внимание императора на несоответствие колонизационной политики, методология которой была разработана при Екатерине II, современному состоянию трудовых и природных ресурсов России. Императрица, пишет Кочубей, «решилась на вызов иностранцев, желая населять пустые степи. Но когда размножение во внутренних Губерниях народа и теснота могут требовать расселения собственных подданных, а земель удобных к водворению... остается не так изобильно, то и следует ограничить заселение пришельцев, да и только тех, кои бы в крестьянских упражнениях или в рукодельях примером служить могли» [21]. Общий тон доклада свидетельствует: В.П. Кочубей решительно настроен положить конец эмиграции из Германии, он не видит пользы в привлечении «дряхлых и слабых бедняков» [22]. Министр выступил с конкретными предложениями по ограничению приема иммигрантов. 20 февраля 1804 г. Александр утвердил проект.

С этого времени иммиграция была поставлена в жесткие рамки, ежегодный прием переселенцев ограничен: российского резидента обязали отправлять в империю не более 200 семей в год; дипломатическим представителям при правительствах зарубежных стран указали: никому никакой ссуды не давать, за исключением «кормовых сумм» и средств для оплаты за суда и подвод; желающие эмигрировать в Россию должны предъявить свидетельства, что везут с собой средства в наличном капитале, или в товарах на сумму не менее 300 гульденов; несостоятельным, как и одиноким «странникам» въезд в империю закрыть [23].

Колонизация земель за счет иностранцев обходилась России в миллионные суммы. К началу правления Александра I финансы империи находились в критическом состоянии. Екатерин II оставила более 200 млн руб. государственного долга [24]. При Александре империя вела перманентные войны: с Ираном, Турцией, участвовала в составе антинаполеоновской коалиции и т.д. Затраты на вооружение и содержание армии опустошали казну. Государственное Казначейство, изыскивая средства для умножения государственных доходов, провело ревизию затрат на обеспечение колоний. Было установлено, что хотя в 1793 г. окончился 30-летний срок по освобождению иностранных переселенцев от налогов, колонисты не возвращают истраченных на них при водворении средств; налогов не платят, ссылаясь на социально-экономические трудности. Колонистский долг становится темой обсуждения на заседаниях Сената, проводятся

инспекционные поездки в колонии, но каждый раз приходят к выводу: поволжские колонисты «по своему изнеможению» не могут платить подати.

Финансовые проблемы вынудили правительство создать «Комитет, учрежденный для сокращения издержек на 1810 г.». Комитет особое внимание обратил на средства, отпускаемые на колонизацию земель, выплату крупных сумм в качестве ссуды колонистам. На водворение и вызов переселенцев в 1810 г. предполагалось направить 2,5 млн руб. Комитет Министров предложил сократить эту сумму на 500 тыс. руб., но Министр внутренних дел А.Б. Куракин [25] не согласился «по причине действительного уже прибытия колонистов, или ожидания оных».

Информируя императора в феврале 1810 г. об этом противоречии, «Комитет, учрежденный для сокращения издержек...» в резкой форме оценивает итоги деятельности выходцев из германских земель: нет никакой возможности удовлетворять впредь до исправления наших финансов, расходы столь значительные, *«впрочем, никакой настоящей нужды за собою не влекущим...»*. (Подчеркн. – Авт.). Комитет предложил: «Поспешить Миссиям и Консульствам Нашим сообщить, что отныне впредь Правительство никакой ссуды колонистам чинить не будет...»; со стороны Правительства колонисты денежного пособия не получают.

Предложение «Комитета, учрежденного для сокращения издержек...» – почти революционная мера в истории колонизации. На протяжении более 45 лет российская казна ежегодно обеспечивала иностранных колонистов солидными субсидиями. Комитет следующим образом аргументирует необходимость отмены субсидий иностранцам: «Комитет распоряжения сии признает необходимыми, как по уважению уменьшения расходов столь нужных, так и по чрезмерной дороговизне водворения колонистов. По ведомостям Г. Министра Внутренних дел видно, что одна колонистская семья около Столицы водворяющаяся, стоит казне на первоначальное обзаведение с лишком 5.000 рублей, тогда как крестьяне, природные подданные, переселяясь из Губерний многолюдных в места незаселенные и составляя полезнейшие для Государства колонии, никакой почти ссуды не имеют, так что пособие Немецкой семье, свободной от рекрутской службы и от других повинностей даваемое, могло бы с вероятностию обращено быть на переселение семей 50 Российских крестьян, к существенной пользе самих их и Государства» [26]. 25 февраля 1810 г. Александр I подписал Указ Министру внутренних дел «О прекращении выдачи денежной ссуды колонистам».

Надвигалась гроза 1812 г. В Министерстве финансов продолжается поиск дополнительных источников дохода. 12 марта 1812 г. Александр I утверждает решение Государственного Совета о повышении податей с колонистов Санкт-Петербургской, Черниговской, Воронежской и Саратовской губерний. Для саратовских колонистов было принято специальное решение: «В Саратовской губернии колонистов сравнить в податях с тамошними казенными крестьянами, сохраняя, однако же, раскладку податей по землям на прежнем основании; в уважение же убытков, понесенных ими от неурожая и скотского падежа, подать... взимать с них по числу душ прежней ревизии [6-й ревизии 1798 г.]... и правилом сим руководствоваться до тех пор, пока те колонии по усмотрению местного Начальства не придут в лучшее состояние...» [27].

Утверждая это решение, члены Государственного Совета исходили из того, что в Саратовской губернии не было проведено межевания земель, задуманного еще при Павле I в 1797 г. В очередной раз принимается директива: «Принять надлежащие меры к скорейшему окончанию обмежевания колонистских земель в Саратовской губернии и наделения колонистов недостающим еще оной количеством» [28].

8 декабря 1815 г. Государственный Совет принял решение «О сравнении саратовских колонистов в платеже податей с казенными крестьянами». За период с 6-й ревизии по и 7-й (1798–1816 гг.) контингент мужчин в колониях Поволжья увеличился с 20 021 до 30 953, т.е. на 54,6 % [29]. Таким образом, численность податного населения возросла, а площадь наделов осталась без изменений. Через два десятилетия положение улучшилось: полученные от правительства земельные наделы, колонисты расширили за счет покупки новых участков, широко практиковали аренду земли. По данным 1841 г. в собственности колонистов Поволжья и Новороссии находились обширные владения: в Саратовской

губернии им принадлежали 214,8 тыс. десятин, в Самарской – 656 тыс. (по 30–65 десятин на семью), в Херсонской – 154,3 тыс., в Таврической – 201 тыс. (по 60 десятин на семью) и т.д. [30] Общая площадь земельных владений немецких колонистов составляла, по неполным данным 1,4 млн десятин [31].

В 1855–1856 гг. в Поволжье, наконец, разрешилась застарелая проблема – саратовским колонистам были отмежеваны земли (в соответствии с законом 1797 г.). В Журнале Министерства Государственных имуществ публикуется информация: «приводится в исполнение наделение их земель по числу душ 5 и 8 ревизий участками в Камышинском и Новоузенском уездах»; земля отмежевана и межевое ведомство готово передать нарезанные участки колонистам [32].

Изменение форм землевладения, рачительное ведение хозяйства, отсутствие рекрутчины позволило колонистам поднять уровень материального благосостояния. Особенно рационально были устроены колонии меннонитов, среди которых были не только отличные организаторы производства, но и талантливые селекционеры, выведившие новые сорта растений в непривычных климатических условиях. А. Клаус писал: «Быстро менонитские колонии достигли у нас благосостояния и благоустройства. В степях, где прежде не было ни воды, ни куста, лесной поросли, точно волшебством явились одно за другим цветущие поселения, здоровая и изобильная колодезная вода, целые рощи плодовых, тутовых и лесных деревьев; богатые, отлично обработанные нивы, целые стада овец и отличные породы скота и лошадей».

За период 1838 г. – 1854 г. площадь казенных земель в пользовании поволжских колонистов увеличилось с 887,3 тыс. десятины до 1.102.517 десятин; у колонистов Южного края – с 1 348, 9 тыс. десятин до 1.331,9 тыс. Нельзя не отметить, что к 1854 г. Казначейству удалось добиться возвращения значительной части их долга государству: долг колонистов Поволжья казне по водворению в 1838 г. составлял 300,9 тыс. руб., к 1854 г. сократился до 3,4 тыс. руб.; долг южнорусских колоний – с 1.307,460 руб. – до 650.581 руб. [33]

По мере развития капитализма, в России интенсивно развивалось немецкое колонистское предпринимательство (аренда крупных земельных наделов, экспорт за рубеж зерна с берегов Волги, создание промышленных заведений полукустарного типа и т.д.). Особенно интенсивно расширяется немецкое землевладение после отмены крепостного права (1861 г.). Состоятельными колонистами скупаются земли разоряющихся помещиков. Немецкие колонисты начинают осваивать западные губернии России. Если в 1840 г. в Киевской, Волынской и Подольской губерниях насчитывалось 14 немецких колоний, то через 30 лет – к 1871 г. – 221. Здесь были основаны сотни немецких поселений. В 1880-х гг. численность немцев в юго-западном крае превышала 103 тыс. человек, площадь земельных владений составляла около 600 тыс. десятин [34]. Широкие возможности для скупки земли открылись после подавления восстания в Королевстве Польском (1863–1864 гг.): имения участников восстания правительством были конфискованы и за полцены проданы немецким колонистам и другим землевладельцам.

Вследствие интенсивной скупки земли, применения индивидуальной и коллективной форм аренды земельных наделов к середине XIX в. в России сложились крупные немецкие и менонитские анклавов [35]. В *Таврической губернии* процветали: Молочанский менонитский, Молочанский колонистский, Бердянский, Крымский округа; в *Херсонской губернии*: Либентальский, Кучурганский, Березанский, Глюкстальский; в *Екатеринославской*: Хортицкий менонитский, Иозефстальский, Мариупольский; в *Черниговской* – Родичевский менонитский; в *Бессарабской обл.* – Малоарославецкий, Саратовский, Клястицкий.

С расширением земельной собственности одновременно набирали силу новые тенденции в демографии: росла численность населения в колониях. Темпы роста по регионам отличались в зависимости от природно-климатических и социально-экономических условий. Существенно отличались демографические показатели у колонистов и государственных крестьян. По данным 1855 г. в колониях *Южного края* и *Саратовской губернии* ежегодный прирост населения на 1 тыс. населения составлял 28,5, душ, в *Бессарабской обл.* – 17,3; в губерниях *Европейской России* среди

государственных крестьян на 1 тыс. населения ежегодно рождалось в среднем 8,1 душ [36]. Приведу конкретные данные по губерниям: на 1 тыс. населения среди государственных крестьян рождалось в год: в Самарской губернии – 12,7 душ, Саратовской – 10,1, в Таврической – 9 [37].

Журнал Государственных Имуществ, публикуя эти данные, справедливо отметил: «Это превосходство колоний ... над прочими губерниям объясняется обилием земли и привольным вообще положением земледельца, и тем, что ни колонисты, ни население Бессарабии не ставят рекрутов натурою» [38]. За период (1838–1854 гг.) население колоний увеличилось: в Поволжье – со 121 067 чел. до 175 177; в Южном крае – с 147,2 тыс. до 220,3 тыс. [39]

В этом контексте не лишним будет отметить, что характер переселения государственных крестьян из малоземельных районов и их обустройство на новом месте разительно отличался от тех условий, при которых происходило переселение и водворение выходцев из германских княжеств. 25 июня 1781 г. Правительствующий Сенат получил Указ императрицы Екатерины о переселении 24 тыс. крестьян, находившихся в ведении Коллегии экономии, т.е. государственных крестьян, «на порожние земли» Азовской и Новороссийской губерний. Переселенцев освободили от податей на *полтора года*, причем, в течение этого срока плата податей возлагалась на жителей селений исхода – на односельчан. На этих же условиях в 1784 г. были переселены в Кавказскую губернию 4,4 тыс. государственных крестьян, в том числе: из наместничества Тамбовского – 790 человек, Курского – 2649, Пензенской – 564, Воронежской – 4312 [40].

Итак, немецкие иммигранты освобождались от податей и всякого рода повинностей на 30 лет, государственные «природно-подданные» переселенцы – на полтора года, причем этими мизерными льготами, которые и льготами-то нельзя назвать, русские одаривались Правительством на протяжении последующих 40 лет. В 1824 г. было принято новое положение о переселении малоземельных крестьян: освобождение на 3 года от платежа податей, исправления всяких повинностей, не исключая рекрутских; на обустройство выдавалось 50 руб. где есть лес, 100 руб. – где леса нет [41]; обустройство немецких колонистов, как отмечалось выше, обходилось в среднем в 5000 руб.

Немецкие переселенцы получали при водворении 30 десятин земли, меннониты в Новороссии по 60–65 десятин; «природно-подданные» обеспечивались наделами в 2–3 раза меньше по площади, независимо от численности семьи. В 1838–1852 гг. из Великороссийских и Малороссийских губерний выбыло на переселение 141,3 тыс. государственных крестьян, в том числе: из Харьковской – 23 тыс., Полтавской – 22,1 тыс., Воронежской – 19,3 тыс. Они получили на месте поселения по 8 – 15 десятин земли [42].

Александр Клаус – честный, добросовестный исследователь, писал по поводу этих контрастов: «Льготы, права и преимущества составляют предмет справедливой зависти русского крестьянина...». Исследователь указывает на предпосылки унижительного положения русского хлебопашца: «Крепостные крестьяне по понятиям огромного большинства нашего образованного общества в полном смысле слова были...не иное что, как безответные подлые рабы – холопы с потрясающей душу судьбою» [43].

В середине XIX в. Россия вступила в эпоху реформ. В 1861 г. было ликвидировано крепостное право. Преобразования коснулись и немецких и менонитских колонистов. 16 июня 1871 г. Александр II утвердил «Правила об устройстве поселян-собственников (бывших колонистов), водворенных на казенных землях в губерниях: Санкт-Петербургской, Новгородской, Самарской, Саратовской Воронежской и Черниговской, Полтавской, Екатеринославской, Херсонской и Таврической и в области Бессарабской». Бывшие колонии переходили в ведение губернских и уездных, а также местных по крестьянским делам учреждений. Этим решением вчерашних колонистов причислили к разряду крестьян-собственников, с сохранением личных преимуществ, которыми они традиционно пользовались.

Каждый из колонистских округов был преобразован в особую волость, этническую по составу и религиозную по принадлежности, причем, селение, которое, по дальности расстояния, не могло войти в состав вновь образуемой волости, составляло особую волость, если в нем числилось около 300 или более ревизских душ [44]. В «Правилах об устройстве

поселян-собственников...» отдельный пункт был посвящен поземельному устройству бывших колонистов, «водворенных на казенных землях». Сельские общества поселян-собственников сохраняли все предоставленные им в надел и состоящие в их постоянном пользовании земли и угодья.

Каковы результаты колонизационной политики, инициированной императрицей Екатериной II, и осуществленной за счет привлечения трудовых ресурсов европейских стран?

За исторический период 1763–1863 гг. в Россию прибыло 100 тыс. иммигрантов, преимущественно из Германии. На дарованных землях они создали 549 колоний, в том числе: в Саратовской губернии – 58, Самарской – 131, в Херсонской – 47, Екатеринославской 53, Таврической – 165 и т. д. [45] Немцам и меннонитам были выделены обширные угодья: к середине XIX в. в их собственности находились: в Поволжье 1,4 млн. десятин, в Причерноморье – 0,6 млн. Высокая рождаемость, возможность приобретения новых земельных наделов вызвали бурный рост строительства дочерних колоний: в Причерноморье возникло 1400 дочерних колоний, в Поволжье 440, в Сибири 500. В совокупности земельная собственность немцев составляла в России к концу исследуемого периода 13,4 млн га [46].

С точки зрения политического, социального статуса немецкие колонисты представляли собой уникальную категорию крестьянского населения России [47]. Главное их отличие от русских и украинских крестьян заключалось в том, что немцы были свободными гражданами. Заботами Екатерины они оказались вне крепостнической системы, в тисках которой на протяжении столетий погибали не менее трудолюбивые и талантливые крестьяне из великороссов и малороссов. Ни один колонист не был объектом эксплуатации со стороны государства, или гипотетического помещика. Царизм обеспечил колонисту гарантию безопасности личности и собственности, свободу в исповедании веры, избавил молодых немецких мужчин – граждан России – от ярма двадцатилетней рекрутчины, чем не только содействовал умножению колонистского населения, но и сохранению на территории России генофонда выходцев из германских курфюрств.

Немецкие и менонитские волости по занимаемой территории, этнической и конфессиональной структуре населения, по языку, духовной и бытовой культуре представляли собой этноконфессиональные образования, в которых запрещалось селиться инаковерующим. Здесь эффективно действовала система самоуправления: внутренняя юрисдикция, построенная на принципах религиозной нравственности и морали, на юридических традициях германских земель; делопроизводство осуществлялось на немецком языке.

При неизменной поддержке императоров России в колониях процветала религиозная жизнь евангелических лютеран, католиков, меннонитов, реформатов. За счет государственной казны строились католические и лютеранские церкви, жилые дома для священников, оплачивался труд пасторов и патеров, открывались училища для молодежи. По данным 1841 г. в немецких селениях насчитывалось 169 храмов и молитвенных домов, 189 конфессиональных школ.

Обучение детей в школах осуществлялось на родном языке. В то время, как в прибалтийских губерниях имперская власть безуспешно пыталась ввести в школах государственный русский язык, как язык изучения, в колониях даже этих попыток не предпринималось, и к концу XIX столетия колонисты в массе своей не владели русским языком, но все с благоговением сохраняли родные диалекты, привнесенные с *Vaterlanda*.

В основном политика колонизации Екатерины II, завершилась успехом: было освоено по не полным данным более 13 млн га целинных земель, созданы новые отрасли сельскохозяйственного производства, выведены элитные породы скота, новые сорта плодовых деревьев и т.д. Лишь одна задача, поставленная императрицей, не была достигнута: не сложился диалог немецких колонистов и русских крестьян. Цивилизационное взаимодействие немецких колонистов, неизменно опекаемых императорской фамилией, и русских крестьян, задавленных рабским трудом, было практически невозможно, и не потому, что мешал языковой барьер; по правовому и

экономическому положению они занимали в составе населения империи диаметрально противоположные позиции.

В октябре 1917 г. массовое революционное движение сокрушило трехсотлетнюю империю Романовых. Россия с ее многомиллионным народом, с богатейшим разнообразием этнических культур и религиозных верований, вошла в новую эру мировой Истории. Как и другие этнические общности, стали под знамена революции, восприняв ее лозунги, несшие свободу, мир, равенство. Они поддержали их, трансформируясь в социалистическое общество.

Смена общественного строя актуализировала проблему политического и социального устройства сотен этнических сообществ. Советская Федеративная Республика решала эту проблему на демократической основе.

2 (15) ноября 1917 г. публикуется Декларация прав народов России, подписанная председателем Совета Народных Комиссаров В.И. Ульяновым (Лениным) и народным комиссаром по делам национальностей И.В. Джугашвили (Сталиным).

Немцами России Декларация была воспринята с особой надеждой – советское правительство осудило антинародную политику царизма времен Первой мировой войны, когда была развернута массовая антинемецкая кампания, с угрозой депортации немцев в Сибирь. В Декларации Совета Народных Комиссаров было заявлено: «Этой недостойной политике лжи и недоверия, придинок и провокаций должен быть положен конец. Отныне она должна быть заменена открытой и честной политикой, ведущей к полному взаимному доверию народов России».

Немцы имели тесный контакт с казаками России. Сказалось сотрудничество в дореволюционную эпоху на местах проживания немцев на территории Донского, Кубанского и Терского казачьих войск. Среди атаманов встречаются с немецкими фамилиями. Наличие совместных браков, тесные отношения в сфере культуры обуславливали тесное взаимопонимание и мирное сосуществование.

19 февраля 1918 г. между Советской Россией и Германией был заключен Брест-Литовский мирный договор; 27 августа 1918 г. – Русско-Германский дополнительный договор к мирному договору между Россией с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией – с другой. Пункт 4 касался непосредственно национальных меньшинств: «Германия не будет вмешиваться в отношения Русского государства с национальными областями и не будет побуждать их к отложению от России или к образованию самостоятельных государственных организмов» [48].

Между тем, в Поволжье бурно обсуждались перспективы устройства немецких колоний при новом политическом строе. В центре внимания немецких общественно-политических движений в Поволжье находилась проблема самоопределения, декларированная Совнаркомом РСФСР.

30 июня 1918 г. Первый (Учредительный) съезд Советов немецких колоний Поволжья провозгласил курс на создание Федерации Среднего Поволжья в составе четырех немецких уездов, 178 немецких поселений. Повсюду в уездах формировались органы власти Советов.

10 июля 1918 г. в Москве принимается Конституция (Основной Закон) РСФСР. Решения I съезда Советов немецких колоний Поволжья получили законодательное подкрепление.

19 октября 1918 г. СНК РСФСР принял Декрет «О создании Области немцев Поволжья». На его основе Второй съезд Совдепов немецких колоний постановил: образовать Трудовую Коммуну Области немцев Поволжья [49].

Итак, при определении территории и административных границ Трудовой Коммуны во главу угла был поставлен национальный принцип, принцип принадлежности к немецким колонистам.

Трудовая Коммуна немцев Поволжья была создана по национальному признаку, без учета экономических факторов, при игнорировании того обстоятельства, что немецкие колонии в своей совокупности были интегрированы в экономику многонационального Поволжского региона.

После окончания Гражданской войны национально-государственное строительство вступило в следующую фазу: создавались новые автономные образования, некоторые автономные области были преобразованы в республики.

20 февраля 1924 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли Декрет об Автономной Социалистической Советской Республике Немцев Поволжья [50].

В связи с принятием постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 27 августа 1925 г. ВЦИК держал под контролем проблемы экономики и культуры Республики немцев Поволжья.

В 1927 г. землеустройством было охвачено 58 % земельной площади, пригодной к обработке, безземельные и малоземельные крестьяне получили наделы. За семь лет (1921–1927 гг.) были образованы 130 новых немецких поселков на площади 154,2 тыс. га.

Если сельское хозяйство автономии развивалось динамично [51], то промышленное производство находилось в состоянии стагнации. Базирующиеся на технологии дореволюционного периода машиностроение и металлообработка, легкая и пищевая отрасли носили полукустарный характер.

В 1925 г. в индустриальной отрасли насчитывалось всего 2 тыс. рабочих, в том числе: в металлообрабатывающей промышленности (заводы «Рекорд» и «Возрождение») около 500 человек, в костеобрабатывающей – немногим более 300.

По решению Совнаркома РСФСР в 1931–1932 гг. в индустриальные отрасли Немецкой автономии было вложено 7 млн руб.; возводились мясной и консервный комбинаты, текстильные предприятия, осуществлялось техническое перевооружение ряда предприятий; произошли существенные изменения в составе производственных коллективов – до 65 % увеличился удельный вес рабочих немецкой национальности [52].

Во второй половине 1930-х годов принимается серия документов, направленных на укрепление аграрных отраслей автономий Российской Федерации. 29 декабря 1936 г. Председатель СНК СССР В. Молотов и секретарь ЦК ВКП(б) И. Сталин подписали постановление Политбюро: «О дополнительных работах по Башкирской и Чувашской АССР, АССР НП, Челябинской и Саратовской областям». В части, касающейся Республики немцев Поволжья, предусматривалась реализация проектов: ирригационного и лесомелиоративного строительства,

19 января 1937 г.: Политбюро ЦК ВКП(б) принимает постановление: предложить Саратовскому обкому обратить особое внимание на положение дел в Немецкой республике и обязать принять меры, чтобы *«республика стала в самое ближайшее время образцовой республикой»*.

В следующем – 1938 г. республике вновь была оказана экономическая помощь. Решением Политбюро от 22 сентября 1938 г. был отсрочен на 1 год возврат сельскохозяйственного кредита колхозам в сумме 5 млн руб.;

О степени коренизации аппарата в Немецкой АССР свидетельствует статистика: в 1925 г. в составе ЦИК русских было 7, немцев – 15; в ЦСНХ – соответственно – 13 и 8; Главсуде – 46 и 29; прокуратуре – 24 и 10; НКВД – 271 и 79; Наркомздраве – 12 и 4; Наркомфине – 74 и 28. Часть должностей была замещена украинцами – 147 человек, в том числе: в Главсуде – 11, НКВД – 58, Наркомфине – 33 и т. д. В аппарате работали и представители других национальностей – 5 евреев и 5 латышей.

Контингент кантональных исполкомов насчитывал 237 человек, в том числе: 161 немец, 49 русских, 24 украинца, 3 – других национальностей. В президиумах кантональных комитетов числилось 90 человек, в том числе: 64 немца, 15 русских, 12 украинцев [53].

Согласно Всесоюзной переписи населения 1926 г. в СССР насчитывалось 1 238,5 тыс. немцев.

В 1928 г. по сравнению с 1925 г. число немецких школ увеличилось: в Немецкой республике – с 344 до 370, на Украине – с 329 до 532. В 1930 г. 70% немецких детей учились в советской школе; 75% учителей прошли переподготовку на двух-четырёхмесячных курсах. Значительная часть немецких учителей, работавших ранее в конфессиональной школе, стали учителями советских школ.

Но еще не была решена проблема с ликвидацией неграмотности: в 1937 г. неграмотных насчитывалось более 14 тыс. человек, а малограмотных свыше 20 тыс.

Немцы становились ее органичной частью, составляющей сообщества многонационального объединения народов, проживавших на территории страны.

Российские немцы совместно с другими народами прошли все этапы государственного и советского строительства, они возрождали свою культуру в тесном взаимодействии и с русской культурой, и культурой других народов. Им также дорог и А.С. Пушкин, и Ю.М. Лермонтов, и Ф.М. Достоевский, А.П. Чехов, Л. Толстой, как и Иоганн Гетте, и Иоганн Кристоф Фридрих фон Шиллер, и многие другие представители культуры немецкого народа, культуры Германии, где проживали предки российских немцев.

Они становились и истинными патриотами России. На примерах их воспитывались новые поколения. Накануне 200-летнего юбилея воинской славы России отдадим должное выдающимся русским полководцам, выходцам из немецких фамилий, покрывшим себя неувядаемой славой на полях сражений в период войны России с Наполеоном в 1805–1807 гг. и в Отечественной войне 1812 г. Тогда, в дни всероссийского патриотического подъема, прославились героическими подвигами и беззаветной преданностью Русскому Отечеству российские немцы: генерал-фельдмаршал Фабиан Остен-Сакен, генералы от инфантерии Карл Бистром, Григорий Берг, Петр Витгенштейн, Николай Гартунг, А.И. Остерман-Толстой; генералы от кавалерии Леонтий Беннингсен, Павел Грабе, Карл Саксен-Веймарский, Карл Ламберг; генерал от артиллерии Яков Гилленшмидт, инженер-генерал Карл Опперман, генерал Иван Дибич, талантливый организатор партизанского движения Александр Фигнер и многие другие [54].

Однозначно, сохранение приверженности исторической родине – это один из важных факторов, свидетельствующих о высоком уровне культуры, нравственной составляющей народа, независимо от того, на какой территории он проживает. Российские немцы, оставались всегда прагматичными, постоянно руководствовались принципом полезности большой и малой родине, быть востребованными обществом, в котором ты живешь, приносить пользу служением Отечеству.

Однако самым жестким испытанием для советских немцев явилась Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Случилось так, что среди всех представителей народов, подвергшихся репрессивным воздействиям со стороны органов государственной власти, советские немцы как участники в Великой Отечественной войне составляли наибольший процент. Войной, проводимой партией и советами государственной национальной политикой было создано парадоксальное состояние в обществе, когда, с одной стороны, её граждане – строители социалистического общества оказались репрессированными по различным, зачастую надуманным, причинам. С другой – они же с оружием в руках, совершали поистине героические подвиги, выступали наряду с русским народом, украинцами, белорусами и другими защитниками Союза ССР, ставшего для них своим Отечеством в полном понимании этого слова.

Деструктивная политика в отношении немцев в 1939 г. – первой половине 1940-х годов не могла не оказать воздействия на изменение их демографической ситуации. С 1939 по 1959 год рост численности немцев на территории РСФСР составил 17,1 %.

С середины 1930-х годов особо активной становилась борьба со всякого рода «шпионско-диверсионным контингентом» (терминология НКВД СССР). Это в полной мере распространялось и на советских немцев.

20 июля 1937 г. в качестве приложения к протоколу заседания Политбюро ВКП(б) появилась записка И. Сталина (П 51/324), в которой применительно к советским немцам предписывалось «всех немцев на наших военных, полувоенных и химических заводах, на электростанциях и строительствах, во всех областях арестовать».

По данным Н. Охотина и А. Рогинского, с 29 июля и по 8 августа 1937 г. всего по Союзу ССР было арестовано 472 германских подданных, из них в Москве и Московской области – 130 человек. В результате следственных мер было вскрыто 19 шпионско-диверсионных резидентур на ряде промышленных предприятий и около 100 немецких агентов [55].

В самый разгар репрессивных воздействий на граждан Дальнего Востока, 24 июня 1938 г. была принята Директива Наркомобороны СССР за № 200/ш. Основное ее требование сводилось к тому, чтобы немедленно были изгнаны из сферы обороны не только корейцы, но также поляки, немцы, румыны, латыши, эстонцы и представители других этнических общностей.

Некоторое время спустя, последовала изданная Наркоматом Обороны СССР директива «О сроках и порядке призыва в РККА в 1939 году», предусматривавшая отказ от призыва «социально-опасных призывников». Конечно, она распространялась на многие этнические общности.

Советских немцев, рвущихся добровольно под пули, под разными предложениями, часто довольно неуклюжими, на фронт брать не спешили (да и не добровольцев, несмотря на всеобщую мобилизацию, не призывали).

22 июня 1941 г. о нападении Германии на Советский Союз и начале Великой Отечественной войны стало известно в Республике немцев Поволжья. За два дня в военкоматы поступили 1060 заявлений о желании добровольно вступить в ряды защитников родины, из них 315 – заявления от немцев, в большинстве своем коммунистов, на должности политработников [56].

Поначалу в Великой Отечественной войне участвовал 33 561 советский немец, из них 1609 – офицеров. И хотя большинство из советских немцев к концу 1941 г. были уволены из РККА и отправлены к своим депортированным семьям, они успели вписать немало героических страниц в историю войны с фашистами [57].

Всего по 5 категориям было: офицеры – 3178, сержанты – 8351, рядовой состав – 53 115 человек, а всего по пяти категориям – 64 644 гражданина немецкой национальности [58].

Храбро сражались с гитлеровцами лейтенант В. Венцель, погибший в битве за Днепр, танкисты П. Миллер и М. Геккель, полковник Н. Охман, разведчики Н. Гефт и Э. Эрдман и многие другие солдаты российского Отечества [59].

За мужество и героизм капитан Клейн 4 января 1944 г. был удостоен звания Героя Советского Союза. Награжден был также орденами Ленина, Богдана Хмельницкого 3-й степени, Отечественной войны 1-й степени, Трудового Красного Знамени, медалями. Роберт Александрович Клейн еще много лет после войны приносил людям пользу своим трудом. Внес большой вклад в дело победы Р. Зорге.

Юридической основой для проведения депортации служили: постановление СНК СССР от 2 марта 1940 г. о выселении «неблагонадежных элементов», секретное постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 14 мая 1941 г., «Положение о порядке применения ссылки на поселение для некоторой категории преступников» (1941 г.).

Через 2 месяца после бомбардировок немецкой авиацией Киева, Минска, Смоленска, а точнее, 26 августа 1941 г., СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли совместное постановление «О переселении немцев из Республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей».

Первым документом на основе, которого осуществлялась практическая сторона принудительного переселения советских немцев стало постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа 1941 г. «О переселении немцев из республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей в другие края и области». 446 800 граждан советских немцев в принудительном порядке начиная с 3 сентября (согласно постановлению), а фактически с 1 сентября, последовали в отдаленные места из Автономии немцев Поволжья и окружающих регионов.

В первую очередь «зачищалась» от немцев Москва. «Меня выслали вместе с отцом и дедом из Москвы в Оренбург, – вспоминал почетный председатель Региональной НКА Московской обл. Э.Ф. Вилль, – выселять немцев из Москвы было труднее, чем из Поволжья. Были такие немцы, которых просто боялись депортировать. Кренкель – известный полярник, или академики – Бах и Тамм. Известный ученый Отто Шмидт – тоже немец. А у композитора Шнитке – отец был евреем, а мать немкой – его тоже не тронули. В Москве немцев надо было отлавливать» [60].

12 сентября 1941 г. последовало еще одно лаконичное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О расселении немцев Поволжья в Казахстане».

На основе принятого Постановления ГКО «О переселении немцев из Запорожской, Сталинской и Ворошиловградской областей» № ГКО-702 сс 22 сентября 1941 г. уезжали в столь отдаленные места немцы из Запорожской обл. – 15 985 семей – 53 566 человек; Ворошиловградской обл. – 3608 семей – 12 807 чел.; Сталинской обл. – 16 246 семей –

36 205 чел.; Харьковской обл. – 1500 чел.; Одесской 1800 семей – 6000 чел.; Днепропетровской обл. – 1000 семей – 3200 чел.; из Крымской АССР – 2233 человек. Они направлялись в Актюбинскую область Казахской ССР, Новосибирскую и другие края и области Сибири.

Кстати, подобные оценки можно было бы продолжить. Вице-президент РАН, лауреат Нобелевской премии по физике Жорес Алферов в интервью «Литературной газете» в связи с этим замечал: «Действительно, была ликвидирована во время войны Республика немцев Поволжья по вполне понятным причинам. Я жил в то время в Туринске на Урале. Немцев привозили к нам, и они прекрасно работали на заводе. И никто из них не жаловался. К ним очень хорошо относились, они не были изгоями. Им предоставили нормальные общежития. С немцами у нас были хорошие отношения. Мы с ними работали бок обок. В 1944 г. привезли крымских татар. У меня среди них было много друзей. И они с пониманием относились к тому, что случилось» [61].

Многие из немцев-переселенцев попали также в Казахстан. Начиная с сентября 1940 г., в Сибирь и Казахстан были отправлены 188 железнодорожных эшелонов, перевозивших 438,7 тыс. немцев, в том числе из республики Немцев Поволжья – 365,7 тыс. чел., Саратовской обл. – 46,7 тыс. человек, из Сталинградской области – 26, 3 тыс. советских немцев. Значительная часть спецпереселенцев-немцев оказалась в Красноярском крае.

Эти сведения находят подтверждение и в данных архива отдела спецпоселений НКВД СССР, «в 1941 – первой половине 1942 г. были доставлены на Восток «по государственному заданию» 856 340 немцев (560 112 взрослых)». А всего в Новосибирской и Омской областях, Красноярском крае и Казахской ССР было расселено на принудительной основе 786 279 немцев.

К 1945 г. относится начало третьего этапа по переселению советских немцев, оставшихся на территории, освобожденной Красной армией, и немцев-репатриантов, прибывших из-за рубежа. 12 января 1945 г. В.В. Чернышов докладывал Л. Берии: «Действующие на территории Украинской, Белорусской, Эстонской и Молдавской ССР, Ленинградской и Мурманской областей ПФП (проверочно-фильтрационные пункты. – *Авт.*) по состоянию на 10 января 1945 г. приняли 107 570 человек. Из числившихся на начало октября 1945 г. на спецпоселении 2 230 500 человек, немцев среди них было 687 300 человек.

После активного участия в «социалистическом эксперименте», в преобразованиях, начало которым было положено еще Великим Октябрем, советским немцам как бы «в награду» пришлось претерпеть многие незаконные притеснения, испытать унижение, попрание их конституционных прав. Это не могло не накладывать отпечаток и на жизнь общности немцев в Союзе ССР, проживавшей как в Автономии Немцев Поволжья, так и дисперсно в других регионах страны.

Как отмечалось, на начало войны 1941–1945 гг. в Союзе ССР числилось около 1.4 млн граждан немецкой национальности.

Проблема «выжить» становилась мерилем любого из представителей немецкого народа – мужчины, женщины в возрасте от 16 до 55 лет, а фактически всех, кому судьба уготовила быть зачисленным в рабочий батальон или колонну.

Советским немцам пришлось преодолеть трудности периода Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, когда одни из них с оружием в руках сражались на фронтах войны, а другие по превентивному обвинению, мобилизации составляли производительную силу в глубоком тылу.

Значительное число мобилизованных немцев из более чем 300 тыс. человек были заняты в «трудовой армии». Они честно и добросовестно, выполняли и перевыполняли производственные планы и устанавливавшиеся по военному времени нормы выработки.

В контингент трудмобилизованных (рабочие колонны, батальоны) вливались и демобилизованные немцы из Красной армии. Они группами направлялись в различные регионы страны. Так, только в Читинскую область в первой половине 1947 г. прибыли более 700 человек. Всего же, по данным МВД СССР (1949 г.), численность немцев, ранее служивших в Красной Армии, составляла, как отмечалось, около 65 тыс. человек.

Если предпринять попытку проследить динамику трудового использования по всем контингентам спецпереселенцев, то к концу 1948 г. из всех занятых: трудилось в сельском хозяйстве 1 014 270 чел. (немцев трудоспособных использовалось 269 092 человека). Спецпереселенцы трудились: в совхозах – 72 170 чел., в угольной промышленности – 180 405 чел., в металлургической – 33 309 чел., в золотодобывающей – и на других предприятиях и стройках МВД СССР – 96 619 чел., в нефтяной – 20 911 чел., пищевой и вкусовой – 19 670 чел., на железнодорожном строительстве Министерства путей сообщения – 18 895 чел., в рыбной промышленности – 15 903 чел., в машиностроении – 14 320 чел., в промышленности стройматериалов – 7634 чел., в химической промышленности – 400 чел., в других отраслях народного хозяйства – 752 812 человек [62].

В первой половине 1950-х годов на спецпоселении было 1 240 482 гражданина немецкой национальности (мужчины – 345 519, женщины – 485 641, дети – 409 322). Из них выселенных по решению правительства – 870 257 человек (мужчины – 243 267, женщины – 340 137, дети – 286 853), репатриированных из-за границы – 208 379 (мужчины – 48 867, женщины – 90 745, дети – 68 767), местных (не подлежали депортации) – 115 426 (мужчины – 30 978, женщины – 42 929, дети – 41 519), мобилизованных – 46 420 (мужчин – 22 407, женщин – 11 830, дети – 12 138).

По данным НКВД Союза ССР, только из немцев-спецпереселенцев всего использовались на различных работах 213 755 семей (695 955 человек), из них мужчин – 100 764, женщин – 267 157, детей – до 16 лет – 328 084, трудоспособных – 296 694; мобилизованных немцев было занято 113 341 чел., мужчин – 61 259, женщин – 59 082 [63].

В условиях тоталитарного режима этот дешевый труд рассматривался как единственная возможность латания дыр в экономике. Одновременно мало кто заботился о мобилизованных на трудовой фронт.

26 августа 1941 г. Политбюро ЦК КПСС в принятом решении «О переселении немцев из республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей» выделило специальный пункт (№ 19), который касался исключительно судьбы автономии немцев, в нем читаем: «Обязать СНК РСФСР (т. Пекшев), совместно с Переселенческим управлением при СНК СССР (т. Кобзин) и Наркомземом СССР (т. Бенедиктов) и секретарями обкомов ВКП(б) Республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей – в трехдневный срок представить в СНК СССР и ЦК ВКП(б) предложения о порядке использования для расселения колхозников, эвакуируемых из фронтовой полосы, остающихся строений, скота, земельных фондов и иного имущества» [64].

Чтобы правильно оценить складывавшуюся ситуацию, необходимо обратиться к экономическому аспекту проблемы, а именно к состоянию экономического развития 11 приволжских районов в момент присоединения к Саратовской области (1941 г.). В 11 административных районах было закреплено за колхозами всего земли 1275,7 тыс. га, в том числе пахотной – 908,6 тыс. га.

5 июня 1942 г. за подписью Председателя Президиума Верховного Совета РСФСР А. Бадаева и Секретаря Президиума Верховного Совета РСФСР А. Бахмурава был издан Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «О переименовании некоторых населенных пунктов и сельских советов Саратовской области (№ 621/35).

Что представляла собой общность немцев накануне принятия постановления Президиума ЦК КПСС «О снятии ограничений в правовом положении немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении»? Об этом довольно объемно излагалось в записке Комиссии по изучению и подготовке названного вопроса применительно всех регионов проживания советских немцев на территории РСФСР, а также в других союзных республиках. Это задание выполнялось по указанию Президиума ЦК КПСС [65].

В соответствии с постановлением Совета Министров ССР от 5 июля 1954 г. № 1439-649 сс «О снятии ограничений в правовом положении спецпоселенцев» в течение августа – ноября 1954 г. с учета в органах МВД СССР были сняты все дети спецпоселенцев до 16-летнего возраста. В следующем году эта же мера распространялась и на членов КПСС из числа карачаевцев и представителей других народов.

8 декабря 1955 г. Президиум ЦК КПСС под грифом «совершенно секретно» принял постановление (А-172/XXIII) «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении»

В этих же регионах Союза ССР вместе с немцами проживали и представители других репрессированных этнических общностей. Например, в пос. Кировский Талды-Курганской области с немцами были расселены балкарцы. Воспоминания свидетельствует, что между общностями устанавливались отношения взаимопонимания и поддержки. Балкарец М. Уянаев в своих воспоминаниях замечал: «С балкарцами проживали чеченцы, ингуши, курды, корейцы, крымские татары, западные украинцы, немцы...» [66]. Что же касается немцев, то М. Уянаев особо констатирует о их, таких примечательных чертах характера, как «пунктуальность, тщательность, чистоплотность». И дополняет при этом, что «особенно ценился труд немцев – высококлассных кузнецов, строителей, механиков» [67].

Положение немцев, депортированных с территории южных регионов Союза ССР в Казахскую ССР, было тяжелым. Местные органы власти мало уделяли внимание их обустройству и жизнеобеспечению.

Благодаря своему самоотверженному труду немцы транслировали в общество чувства патриотизма и высокого долга по отношению к отчизне, с которой они связали и свою судьбу. Этим было проникнуто и творчество художников, композиторов из немцев. Успешно трудился крупнейший художник из немцев Поволжья Яков Вебер [68], чьи художественные произведения, действительно, полны любви и трепетного отношения к родине, природе, воспитывают чувство доброты и составляют богатое творческое наследие советских немцев.

В конце 1960-х годов на территории Казахской ССР проживало уже свыше 700 тыс. немцев. Они расселялись главным образом в Целиноградской, Карагандинской, Кустанайской и Восточно-Казахстанской, Кокчетавской областях. Области с компактным проживанием немецкого населения отличались их активным участием в хозяйственной и общественно-политической жизни.

И хотя в адрес советских немцев звучали позитивные оценки. Например, на встрече с председателем Президиума Верховного Совета СССР А.И. Микояном, проходившей в июне 1965 г. в Москве, не только давалась высокая оценка работе советских немцев, но и признавалось, что «сейчас в Целинном крае (тогда ряд областей Северного и Центрального Казахстана) без немцев вести сельское хозяйство невозможно» [69], тем не менее просьба советских немцев не была удовлетворена.

Ценное значение имеет стенографическая запись заседания Политбюро ЦК КПСС «Об образовании немецкой автономной области» состоявшегося 31 мая 1979 г., на котором проходила дискуссия в присутствии М. Суслова, Ю. Андропова, Н. Кузнецова, И. Капитонова. Вопрос был поставлен Ю. Андроповым как членом комиссии ЦК КПСС по рассмотрению этой проблемы, а излагал суть вопроса И. Капитонов.

12–15 марта 1991 г. начал работу 1-й Чрезвычайный съезд немцев Союза ССР, на котором были представлены посланцы многих регионов страны [70]. Главным вопросом был вопрос о реабилитации советских немцев. Съезд проходил в канун принятия Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов», положившего начало переводу проблемы из ее вербального состояния на юридическую основу.

9 апреля 1992 г. распоряжением Правительства Российской Федерации за подписью заместителя Председателя Правительства С.М. Шахрая была создана Комиссия Правительства Российской Федерации по проблемам российских немцев.

2 мая 1992 г. применительно российских немцев Президент России Б. Ельцин подписал другой Указ – «О создании в Поволжском регионе поселений российских немцев на базе агрономических комплексов и гарантиях их социально-экономического развития». Планировалось приступить к созданию на базе фермерских хозяйств Саратовской и Волгоградской областей компактные поселения российских немцев [71]. Практические меры, предлагаемые указом, встретили всестороннюю поддержку со стороны правительства Германии.

18–20 октября 1992 г. после проведенной подготовки состоялся 1-й съезд немцев Союза ССР [72]. Съезд протекал в конструктивной, деловой обстановке. В его работе приняли участие А.Н. Яковлев в качестве представителя от Президента СССР. Было зачитано также

обращение Президента РСФСР Б. Ельцина. «Считаю, съезд должен сыграть особую роль в вопросах реабилитации этого народа и дать важные импульсы восстановления его прав, включая и право на восстановление Немецкой Республики на территории РСФСР» [73]. Для российских немцев начинался новый особый этап жизни в новом формате России, избравшей путь дальнейшего развития как правового государства.

Примечания:

1. Екатерина II (1729–1796). Императрица с 1762 г.
2. Немцы-колонисты в Век Екатерины. Сб. док. Российского Государственного архива древних актов по истории организации немецких колоний в Поволжье /Сост.: Е.Е. Лыкова, М.И. Осекина. М., 2004. С. 9.
3. Записки императрицы Екатерины Второй. Репринтное воспроизведение издания 1907. М., 1989. С. 646.
4. Первые проекты освоения безлюдных территорий в бассейне Оки, верхней и средней Волги за счет иностранцев возникали при Елизавете Петровне. Но эти замыслы не были реализованы.
5. Семилетняя война (1756–1763) – между Австрией, Францией, Россией, Испанией Саксонией, Швецией – с одной стороны, и Пруссией, Великобританией и Португалией – с другой.
6. Немцы-колонисты в Век Екатерины. ...С. 166–167.
7. Там же. С. 25.
8. Свод Законов Российской Империи. Изд. 1857 г. Т. 12. Ч. II. СПб., 1857. С. 27.
9. Немцы-колонисты в Век Екатерины... С. 12–13, 28 – 29.
10. Клаус Александр – автор фундаментальной монографии по истории немецких и менонитских колоний // *Клаус А. Наши колонии. Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. Вып. 1. С-Пб., 1869. С. 109.*
11. Двор – дом с прилежащими постройками хозяйственного назначения.
12. Немцы-колонисты в Век Екатерины. Сб. док. РГАДА... /Сост.: Е.Е. Лыкова, М.И. Осекина... С. 132–133.
13. История и статистика колоний иностранных поселенцев в России. Журнал Министерства Государственных имуществ (далее – ЖМГИ), 1854. Ч. 52. № 8. С. 51.
14. История и статистика колоний иностранных поселенцев в России // ЖМГИ, 1854. Ч. 52. № 8. С. 53.
15. Порозших – свободных, остающихся без обработки.
16. Немцы-колонисты в Век Екатерины /Сост.: Е.Е. Лыкова, М.И. Осекина. М., 2004,. С. 148–151.
17. История и статистика колоний иностранных ... // ЖМГИ, 1854. Ч. 52. № 8. ЖМГИ. С. 53.
18. См.: Немцы в истории России. Документы высших органов власти и военного командования. 1652–1917. Ред. совет тома: В.А. Ауман, В.Ф. Баумгертнер., В. Бретт, Н.Ф. Бугай, Н.А. Варденбург, В.Г. Чеботарева, А.И. Эрлих /Сост. – В.Ф. Дизендорф. Серия: Россия XX век. М., 2006.
19. Кочубей Виктор Павлович – в 1802–1807 гг. Министр внутренних дел.
20. Немцы в истории России. Документы высших органов власти и военного командования... С. 144.
21. Там же. С. 146.
22. Там же. С. 144–147.
23. *Ключевский В.О.* Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М., 1993. С. 240.
24. Куракин Алексей Борисович (1759–1829), князь, Министр внутренних дел в 1807–1810 гг.
25. Немцы в истории России. Документы высших органов власти и военного командования... С. 167.
26. Там же. С. 170.
27. Там же. С. 171.
28. Там же. С. 658
29. *Чеботарева В.Г.* Немецкие колонии Российской империи – «государства в государстве» // Этнографическое обозрение, 1997, № 1. С. 135.
30. Десятина – основная русская мера площади. В XVIII – начале XIX вв. употреблялась владельческая (хозяйственная) десятина = 3200 кв. саженей – 1,45 га.// Подсчитано по: Клаус А. Указ. Наши колонии... Приложение II С. 12, 20, 27–30, 42.
31. История и статистика колоний иностранных поселенцев // ЖМГИ. 1855. Ч. 54. № 2. С. 87, 88.
32. История и статистика колоний иностранных поселенцев // ЖМГИ. 1855 ч. 54. №2. С. 87.
33. *Сергеев И.И.* Мирное завоевание России немцами. Пг. 1917. С. 41
34. В официальной статистике менонитские колонии размещались под отдельной рубрикой.

35. Сравнение числа государственных крестьян по 8 и 9 ревизиям в губерниях Европейской России // ЖМГИ. 1855. ч. 54. № 1. С. 19.
36. Там же. С. 20.
37. Там же. С. 19.
39. История и статистика колоний иностранных поселенцев // ЖМГИ. 1855. Ч. 54. № 2. С. 87.
40. Обзорение мер по переселению государственных крестьян // ЖМГИ. 1854. Ч. 52. № 7. С. 3
41. Там же. С. 7.
42. Там же. С. 17–20.
43. *Клаус А.* Наши колонии... С. 143.
44. Немцы в истории России. Документы высших органов власти и военного командования... С. 508.
45. *Клаус А.* Наши колонии... С. 109–111.
46. [*Дизендорф В.Ф.*] Пояснительная записка к Федеральной комплексной программе становления и развития сообщества немцев Российской Федерации // Становление и развитие сообщества немцев Российской Федерации. Сб. документов. Вып. 1. М., 1996. С.46–48.
47. Перепись населения 1897 г. выявила в Российской империи 1 790 489 немцев; 76,62 % от этого числа составляли жители колониальных поселений. В структуре населения России удельный вес немцев составлял 1,43 % .
48. *Похлебкин В.В.* Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах и фактах. Вып. 2. Войны и мирные договоры. Кн.3. Европа в первой половине XX в. Справочник. М., 1999.
49. Трудовая Коммуна Немцев Поволжья была не единственным образованием такого вида, еще раньше под этой «пролетарской» дефиницией были созданы: Эстляндская Трудовая коммуна, Северная коммуна, Карельская трудовая коммуна.
50. История российских немцев в документах (1763–1992 гг.) ... С. 80–82.
51. В данном контексте не рассматриваются сюжеты, связанные с коллективизацией и раскулачиванием крепких хозяйств в Немецкой республике. Это – тема отдельного исследования, получившая разработку в отечественной историографии.
52. Трудовая правда. (Орган Обкома ВКП(б) и Совнаркома АССР НП; г. Энгельс). 1932, 17 февраля.
53. ГАРФ, ф. 1235, оп. 28, д. 51, л. 33.
54. *Ауман В.А., Байер А.Г., Португальский Р.М., Рунов В.А.* Немцы на военной службе в Российской империи. М., 2006. С. 33.
55. См. подробнее: *Охотин Н., Рогинский А.* Из истории «немецкой операции» НКВД. 1937–1938 гг. // Наказанный народ. М., 1999. С. 38, 49 и др.
56. ЦДНИ СО. Ф. 1, оп. 1, д. 4495, л. 189–193; 83–84.
57. *Долженков И.И.* Тем весомее был подвиг // Саратовские вести. 28 августа 2003. См. также: *Ауман В.А.* Российские немцы – Герои Советского Союза. Роберт Клейн // Культура немцев России. М., 2007, № 1. С. 28–29. Семья Роберта Клейна была поначалу информирована о том, что он пропал на фронте без вести. Однако в последующем оказалось, что он жив и, более того, удостоен звания Героя Советского Союза.
58. См.: Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши. М., 1994. С. 171.
59. *Гокунь А.* Депортация // Дуэль. 2 ноября 1999 г. № 44 (135)
60. См.: *Бугай Н.Ф.* Депортация национальных меньшинств из Москвы и Московской области в 1930–1940-е годы // Москва многонациональная: истоки, эволюция, проблемы современности. М., 2007. С. 312–313.
61. См. *Шемшученко В.* «Убеждений не меняю» // Литературная газета» (19–25 октября 2011. № 41.
62. ГАРФ. Ф. Р. – 9479, Оп. 1, д. 579, л. 285.
63. ТАМ ЖЕ. Ф. Р. – 9479, оп. 1, д. 257, л. 107.
64. Выписка из Протокола № П35/1 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 26 августа 1941 г. Копия.
65. В состав комиссии входили представители от Генеральной Прокуратуры СССР, МВД СССР, отделов ЦК КПСС Р. Руденко, С. Круглов, Лукин, П. Кудрявцев, Маслов, В. Чураев, В. Карлов, Г. Денисов и др.
66. Воспоминания М. Уянаева // Балкария. Депортация. Вып. 2. Свидетельствуют очевидцы /Сост. Котлярова М.А., Котляров В.Н. Нальчик: «Полиграфсервис», 2004. С. 40–41.
67. Там же.

68. Я. Вебер родился в с. Голый Карамыш Саратовской губернии (1870 г.) учился в Саратове, Москве, Санкт-Петербурге. Затем жил в с. Мюльберг (Щербаковка). Руководил республиканской изостудией. Заслуженный художник АССР немцев Поволжья. В 1937 г был арестован и выслан в Казахстан. Реабилитирован в 1956 г. Его работы представлены в музее г. Энгельса. Умер Я. Вебер в 1958 г. (См. Наше наследие // Нойес лебен. Июль 2010. С. 12).

69. «Правда восторжествует – мы верим в это» // Нойес лебен. Июль 2010. С. 9.

70. См. подробнее: Чрезвычайный съезд немцев СССР. М., 12–15 марта 1991. (документы и материалы) /Сост. В.Ф. Дизендорф. М.: Из-во МГУ, 1997.

71. См.: Ведомости Совета народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 4 июня 1992. № 22. Ст. 1195.

72. 8 декабря Союз ССР прекратит свое существование.

73. Цит. по: *Вольф Э.Л.* О некоторых проблемах реабилитации российских немцев. // Копия доклада. С. 2.

УДК 94

Немцы: 250 лет в России

¹ Николай Федорович Бугай

² Валентина Георгиевна Чеботарева

¹ Институт российской истории РАН, Россия

117036, г. Москва ул. Дмитрия Ульянова, д. 19

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник

² Общественная Академия наук российских немцев, Россия

доктор исторических наук, профессор

Аннотация. В статье анализируется эволюционный путь немцев России с конца XVII в. до начала 1990-х годов. Показаны их первые усилия по обустройству, адаптации в России их интеграции в российский социум. Благодаря труду и старанию, законопослушанию немцы преобразовали тот край, где находили себя полезным быть России. Они становились истинными патриотами, защищавшими Отечество российское и в 1812 году, и в последующих войнах. Они участники революционных боев и в Гражданской войне. По своей воле уходили защищать страну в годы борьбы с фашизмом. Исполненные патриотизма к своей Отчизне, они восстанавливали из руин ее после войны. Их пример самоотверженного труда достоин подражания. Два с половиной века вместе с Россией.

Ключевые слова: немцы; Россия; Российская империя; СССР; 250 лет.